

ФИЛОСОФСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Дискуссии о государственном языке: компаративистский анализ путей разрешения

Н.И. Безлепкин

*Санкт-Петербургская академия управления и экономики, кафедра философии
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44*

В статье обсуждается одна из актуальных проблем, связанных с определением статуса государственного языка в многонациональном государстве. Автор выделяет государственно-политический, этнокультурный и социально-психологический аспекты данных дискуссий. В качестве способа позитивного разрешения языковых проблем рассматривается билингвизм.

Мощным общественным орудием, формирующим и объединяющим людей в этнос, образующим нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания, выступает язык. Ему принадлежит первостепенная роль среди национально-специфических компонентов культуры. В силу своей неразрывной связи с культурой, с духом народа язык не может не быть в эпицентре политических и культурных событий страны.

Будучи специфическим признаком этноса, язык может выступать как в качестве фактора социальной интеграции, так и средства разобщения людей. Особенно остро это проявляется в те исторические периоды, когда происходит пробуждение национального самосознания, либо когда язык становится предметом политической конъюнктуры и манипуляций со стороны определённых общественных сил, партий, группировок. Отечественная история изобилует подобными примерами, начиная с критики «трёхязычной ереси» создателями славянской письменности Кириллом и Мефодием, когда первоучители славян утверждали право славянского языка на его возведение до уровня божественного, тем самым указывая на величие культурных и исторических традиций Киевской Руси. Со времён Московской Руси общественными деятелями и учёными последовательно проводилась линия на утверждение культурно-религиозной правомочности славянского языка выступать в качестве универсального общего языка. Симеона Полоцкого, Аввакума, Ю. Крижанича, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, В.И. Ламанского объеди-

няла одна идея, заключающаяся в том, что русская (или, шире, славянская) культура должна иметь (и уже имеет) свой национальный язык, не уступающий ни в чём языкам древнейших культур (греческому, латинскому, древнееврейскому)¹. Большое внимание деятели отечественной и восточноевропейской культуры уделяли вопросу об общеславянском литературном, научном и дипломатическом языке. По при этом следует отметить, что речь шла о приоритете культурного, а не политического сближения славян.

Проводимые как в России, так и в других странах языковые реформы нередко становились предметом острых общественных дискуссий. И это не случайно, ибо даже такая составная часть грамматики как орфография, определяющая способы передачи речи на письме, нередко превращается в мощное орудие внутренней политики. Такая, на первый взгляд мелочь, как употребление прописной и строчной букв в названиях высших государственных учреждений, приобретала подчас поистине государственное значение. Следует напомнить о последней дискуссии конца прошлого столетия вокруг проекта нового свода орфографических правил, подготовленного Институтом русского языка им. В.В.Виноградова и Российской академией наук. Попытки освободить язык из под диктата идеологии, устранить исключения, без которых, как мы привыкли думать, и правил-то самих не бывает, необходимость привести орфографию в соответствие с современным состоянием русского языка, предпринятые сотрудниками Института русского языка во главе с профессором В.В.Лопатиным оказались обречёнными на провал, как это, впрочем, произошло и ранее в 1956 и 1964 гг. Ещё более острой проблемой является проблема государственного языка, которая в условиях многонациональных государств приобретает действительно огромное политическое значение.

Грамматические споры в России начала XIX века о том, каким должен быть общенациональный язык и на какой основе формироваться, вовлекшие в свою орбиту виднейших деятелей государства и отечественной культуры, представителей общественных течений — славянофильства и западничества, в немалой степени способствовали выработке лингвофилософских подходов к обсуждению и решению проблем общенационального государственного языка. Дискуссия о том, нужен ли России государственный язык, то затухая, то периодически воскрешаясь, длилась на протяжении нескольких столетий и до конца прошлого века у русского языка не было юридически закреплённого статуса. Только принятый Государственной Думой Закон от 1 июня 2005 года «О государственном языке Российской Федерации», обеспечил использование государственного языка на всей территории России и право граждан на пользование государственным языком, а также на защиту и развитие языковой культуры.

Внимание, которое придаётся языку в политике государств, не потеряло своей актуальности и сегодня. «Парад суверенитетов» на рубеже веков, вовлекший в свою орбиту республики бывшего СССР, в очередной раз активизировал дискуссии о государственном языке. При этом характер доминирующих в этих дискуссиях приобрели политические и геополитические аспекты обсуждаемой проблемы. Практически во всех случаях — шла ли речь о государственном языке или о смене системы письма, — характер дискуссии диктовался причинами политического характера, связанными либо со сменой идеологии либо религии, либо с переменами ориентиров во внешней политике и т.п. Серия алфавитных реформ в постсоветских государствах — Азербайджане, Молдавии, Туркмении и Узбекистане — в

¹ См.: Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica*. Славянский мир. Древняя Русь. М.; СПб, 1999. Т.2. С.162-163.

этом отношении вряд ли была исключением: переход на латиницу подчеркивал разрыв с советским прошлым и указывал на новые идеологические ориентиры, делая различия с культурой бывшей метрополии более очевидными. Абхазия, сохраняя кириллицу, напротив, подчеркивает свою лояльность по отношению к России. Не перешли на арабский алфавит и в Таджикистане, поскольку такой переход создал бы реальную геополитическую угрозу за счет сокращения языковой дистанции между таджиками Таджикистана и их многочисленными родственными группами в Афганистане и Иране. Между тем, по мнению авторитетных отечественных лингвистов, «развал страны начинается с языковых революций»¹, когда суверенитет национальной республики увязывают с изменением графической основы письменности, а в качестве государственного языка принимается только язык титульной нации и значительная часть населения государства лишена права использовать родной язык в качестве средства обучения и коммуникации, ведения делопроизводства и т.п.

Опыт европейских стран говорит о том, что национальное согласие в таких ситуациях достигается учетом интересов языковых и национальных меньшинств путем введения второго государственного языка (в Швейцарии, как известно, статусом государственного пользуются сразу четыре языка). О необходимости учитывать языковые особенности страны говорит и Европейская Хартия языковых меньшинств, которую ратифицировали многие из тех стран, которые на деле исходят в своей языковой политике прежде всего из политической конъюнктуры. Проблема государственного языка, как свидетельствует компаративистский анализ путей её разрешения, многопланова и требует учёта разных аспектов при её разрешении.

Опыт русской лингвофилософии указывает, например, на необходимость учёта при рассмотрении языковых проблем теоретических и практических аспектов государственно-политического, этнокультурного и социально-психологического характера. Идея об основополагающей роли языка в формировании всех сторон жизни общества пронизывает лингвофилософию славянофилов, утверждавших в своё время, что посредством языка и словесности отражается не только умственная и художественная образованность, но и вся полнота народного быта в разных её сферах — умственной и гражданской, художественной и промышленной, семейной и государственной². Язык, по глубокому убеждению славянофилов, с момента своего возникновения прочно связан с формами жизнедеятельности людей, будучи средством их объединения в социумы и одновременно выступая способом, каким проявляет себя народное самосознание. Опыт осмысления российской и мировой истории подсказывал славянофилам, что между содержанием общественной жизни и формами её построения существуют сложные отношения, которые имеют важное значение для социального обустройства жизни людей. Конфликт между внутренне присущими народу духовными ценностями и формами организации общественной жизни способен порождать распад личности, потерю ею своей цельности, ведёт к утрате исконного уклада жизни.

Государственно-политический аспект общенационального государственного языка в отечественной лингвофилософии всегда рассматривался как мощный лингвокультурный фактор, способствующий укреплению российской государственности и национального самосознания. Языковая реформа Петра I составляла, например, неотъемлемую и важную часть его реформ, что дало основание известному отечественному

¹ Халеева И. Развал страны начинается с языковых революций // Российская газета. 2001. 16 октября.

² См.: Киреевский И.В. Публичные лекции проф. Шевырёва об истории русской словесности, преимущественно древней // Киреевский И.В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 2. С. 112.

историку М.П. Погодину заметить: «...не точно ль такая же революция происходила в языке, как и в государстве»¹. Реформа азбуки Петром I способствовала не только появлению общедоступного и всем понятного языка, но она была призвана содействовать решению задач по налаживанию управления страной, секуляризации духовной жизни русского общества, его просвещению. Языковая реформа царя-реформатора была направлена на обслуживание культуры секуляризованной государственности.

Мысли отечественных философов — А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова о неразрывной взаимосвязи языка с народом, с формами его бытия, его духовностью позволяют понять методологические основы возникновения националистического по своей сути тезиса о роли языка титульной нации в создании собственной государственности, когда с целью обоснования суверенного государства изобретается особый национальный язык. Это весьма наглядно прослеживается сегодня на Украине, где с невероятным упорством русский язык, который является родным для двух третей граждан республики и которым владеет практически всё население, пытаются заменить на суррогатную «украинскую мову». При этом саму «мову» без конца чистят, убирая все слова, похожие на русские. Периодически украинцев извещают, как теперь должны звучать «чисто по-украински» те или иные слова. Теперь микробы превращены в современной «украинской мове» в «дробянки», термометр стал «тепломиром», зуд именуется «сверблячкой», рвота — «блюванне», гинеколог — то ли «жиночознанец», то ли «бабыч», а вот вертолёт, который ещё недавно был «вертолитом», переименован в «гелиокоптер», а карта на англосаксонский манер именуется «мапой», а для обозначения выхлопной трубы позаимствовали термин из языка украинской диаспоры в Канаде — «выпердовая труба». Для замены «неправильного» слова «аэропорт» пришлось выдумать новое, небывалое слово «лэтовыще». Или вот для украинской эстрады ранее общепринятое обозначение вокально-инструментального ансамбля словом «группа» (по-украински «група») для дерусификаторов показалось неприемлемым. И вновь пришлось обходиться собственными ресурсами: применить скотоводческий термин «гурт» (стадо). Относительно перевода имён собственных на «украинскую мову» и последовавших за этим казусов достаточно внимания в последнее время было уделено на телевидении, не будем повторяться. Все попытки украинских регионов отстоять право использовать русский язык наряду с украинским, президентом страны и местными национал-радикалами расцениваются как проявление сепаратизма и подвергается судебному преследованию.

Отрыв языка от истинных духовных корней и уклада жизни народа, использование его в политико-идеологических целях с неизбежностью порождает дезинтеграционные процессы во взаимоотношениях между народами, населяющими данное государство, и ставит под угрозу его целостность. В этой связи нельзя не отметить те следствия, которые вызваны отмеченными «лингвистическими» процессами на Украине. В среде отечественной интеллигенции всё чаще стал звучать тезис о том, что нет ни украинской, ни белорусской нации, как нет ни украинского, ни белорусского языков, а есть только соответствующие наречия², не будь польского господства, не было бы сейчас никакого украинского языка!³ Эта радикальная позиция отечественной интеллигенции свидетельствует об уже имеющих место в общественном сознании дезинтеграци-

¹ Цит. по: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 155.

² См.: Лебедев С.В., Стельмашук Г.В. Белорусский феномен. СПб., 2006.

³ Железный А. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине (www.russian.kiev.ua/books/zhczleznyj/pdu2/pdu2.shtml).

онных процессах (хотя в случае с белорусским языком и нацией авторы скорее преследуют цели скорейшей интеграции в единое государство России и Белоруссии, не предполагая обратной негативной реакции белорусской интеллигенции).

В своё время, в 1863 г. на волне реакции на польское восстание М.Н. Катков выступил со статьёй «Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами», направленной против попыток украинофилов в лице Н.И. Костомарова, обосновать право на самостоятельное существование украинского языка. М.Н. Катков, который отнюдь не являлся любителем-лингвистом, его магистерская диссертация «Об элементах и формах славяно-русского языка», защищённая в 1845 г., имела прямое отношение к обсуждаемому вопросу, отмечает, что под влиянием польской политики, направленной на отрыв Украины от России, «явились новые Кириллы и Мефодии с удивительнейшими азбуками, и на Божий свет был пущен пуф какого-то небывалого малороссийского языка¹». Русский публицист и философ ставит под сомнение факт существования украинского языка. Поскольку, пишет Катков «Украина не может иметь особого политического существования, то какой же смысл имеют эти усилия, эти стремления дать ей особый язык, особую литературу и устроить дело так, чтобы уроженец киевский со временем как можно менее понимал уроженца московского и чтобы они должны были прибегать к посредству чужого языка, для того чтобы объясняться между собой? Какой же смысл искусственно создавать преграду между двумя частями одного и того же народа и разрознить их силы, между тем как только из взаимодействия их сил может развиваться жизнь целого, благотворная для всех его частей?»² Позиция русского публициста и философа понятна, коль нет украинского государства, то и нет необходимости в признании особого малороссийского языка, которого «никогда не было и, несмотря на все усилия украинофилов, до сих пор не существует»³. Есть один русский язык, но в силу исторических обстоятельств, оторванности Украины от России и насильственного соединения с Польшей, заимствовавший полонизмы.

Современная лингвистика достаточно убедительно доказала родственность и общность корней русского и украинского языков. По мнению лингвистов, русский язык не первичен по отношению к украинскому, они одинаково равноудалены от языка — предка, одинаково близки к первоисточнику⁴. Но при этом следует иметь ввиду исторически сложившуюся взаимодополняющую взаимосвязь русского и украинского языков, которые на протяжении веков выступали языками межнационального общения на геополитическом пространстве сначала царской России, затем СССР и теперь Украины и России. Никогда при этом русский язык, выступая то ли в качестве общенационального средства межкультурной коммуникации, то ли в роли инструмента государственного управления, не посягал на культурную целостность и значимость украинского языка. Русская лингвофилософия всегда разделяла взгляд великого немецкого учёного Вильгельма фон Гумбольдта о том, что «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаём в нём; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчётливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия»⁵.

Язык и государственность — это взаимосвязанное и взаимовлияющее целое, от характера взаимоотношений которого зависит судьба государственности, его целостность

¹ Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002. С. 145.

² Там же. С. 148-149.

³ Там же. С. 146.

⁴ См.: Мудрак О. История языков (www.polit.ru/lectures/2005/1/09/mudrak.html).

⁵ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 349.

и духовные устои. Всякое отступление от исторически сложившихся форм языковой культуры провоцирует деструктивные и дезинтеграционные процессы в обществе.

Ещё одним важным аспектом языковых проблем является их этнокультурный аспект, который связан с ролью языка в формировании национальной идентичности народа, с его местом во взаимодействии культур, в обеспечении доступа к достижениям мировой культуры и культур братских народов. В отечественной лингвофилософии со времён дискуссии между шишковистами (архаистами) и карамзинистами (новаторами) в 20-30-х годов XIX века значение этнокультурного аспекта языка приобрело особое значение, поскольку он имеет непосредственное отношение к процессу формирования национального самосознания и национальной идентичности народа. Попытки Н.М. Карамзина и его сторонников расширить лексические и синтаксические возможности русского языка за счёт заимствований из европейских языков были подвергнуты в своё время А.С. Шишковым резкой критике, поскольку он и его последователи полагали, что «народ, который всё перенимает у другого, его воспитанию, его одежде, его обычаям последует, такой народ уничтожает себя и теряет собственное своё достоинство», а потому «...доколе не возлюбим мы языка своего, обычаев своих, воспитания своего, до тех пор во многих наших науках и искусствах будем мы далеко позади других»¹. Славянофилы, и в первую очередь К.С. Аксаков, справедливо усматривали односторонность в позициях Н.М. Карамзина и А.С. Шишкова, отмечая необходимость синтеза или «соприсутствия» в русском языке обоих подходов, поскольку, как впоследствии замечал А.А. Потебня, «мне кажется вполне справедливым мнение Аксакова, что влияние латинского языка на язык Ломоносова не только не было насильно духу русского языка, но требовалось его историческим развитием»². Реально осуществляющийся в исторической практике симбиоз культур народов не может не отражаться на взаимодействии их национальных языков, обогащая и делая взаимно доступными этнокультурные ценности этих народов, создавая благоприятную почву для утверждения национальной толерантности и взаимоуважения.

Идея о взаимосвязи языка с народом, представление о языке как субстрате, на основе которого создаётся сама нация, впервые сформулированная славянофилами, не потеряла своего значения и в наше время. Отношение к языку выступает одним из тех существенных факторов, которые позволяют судить об уровне национального самосознания, зрелости духовности общества, о характере социального бытия, для которого свойственна либо аморфность, либо единение во имя прогресса. Предпринимаемые в ряде бывших республик СССР шаги по институционализации языка титульной нации в качестве единственного государственного языка, введение латиницы вместо кириллицы есть не что иное, как разрушение многовекового симбиоза культур разных народов, создание искусственных препятствий для доступа к достижениям культуры, литературы и науки, зафиксированных на русском языке с его кириллической письменностью. Между тем национальный характер культуры как «инвариант» не отрицает, а, наоборот, предполагает взаимодействие языков и культур, их взаимное обогащение до целостного уровня мировой культуры.

Социально-психологический аспект языковых проблем связан с особенностями восприятия и интерпретации картины мира в языке того или иного народа. Со времён В. фон Гумбольдта известно, что различные языки являются для нации органами их оригинально-

¹ Шишков А.С. Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка. СПб.. 1803. С. 317. 368.

² Цит. по: Пресняков О.П. Поэтика познания и творчества. М., 1980. С. 192.

го мышления и восприятия¹. Разные языки осуществляют преобразование и членение мысли по-разному, отмечал выдающийся лингвист А.А. Потебня. «Подобно тому как малейшие изменения в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно даёт другие восприятия и этим влияет на всё мирозерцание человека, — писал он, — так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние мелочи языка на мысль в своём роде единственно и ничем не заменимо»². Замечание А.А. Потебни, которого на Украине нередко выставляют борцом с русским царизмом и относят к выразителям идей украинского национализма, выражает вполне обоснованную тревогу по поводу всевозможных новаций в языке, способных повлечь за собой глубинную переориентацию восприятия и интерпретации картины мира у титульной нации, неизбежному изменению у людей культурно-психологических установок, привести к разделению и возможному конфликту поколений, дезинтеграции между народами.

Красноречивые примеры реакции общества на реформы языка демонстрирует современная Европа. Известно, что в конце прошлого века руководители германоязычных стран — ФРГ, Австрии, Швейцарии и Лихтенштейна, а также государств с компактным проживанием немецких меньшинств — Италии, Румынии и Венгрии, планировали провести реформу правил правописания. Однако новые правила правописания, введённые в повседневный обиход, ухудшили ситуацию с немецким языком и привели к массовой путанице. Большинство писателей, среди которых нобелевский лауреат в области литературы Гюнтер Грасс, с самого начала объявили бойкот новой грамматике. В Нижней Саксонии был организован сбор подписей с целью заставить местные органы власти отказаться от дальнейшего проведения реформы, а жители земли Шлезвиг-Гольштейн в 1998 г. провели референдум, на котором проголосовали за «лингвистическую изоляцию» от федерального центра.

В Великобритании авторитетными учёными неоднократно создавались общества, ставящие своей целью упрощение английской орфографии и приведение её в соответствие с устной речью. Однако ни одну из предполагаемых реформ правописания реализовать не удалось по сей день. Во Франции в 1990 г. была проведена реформа орфографии, но она носила косметический характер и затронула только дефисно-слитное написание отдельных слов и некоторые надстрочные знаки.

При том что языковые реформы зачастую используются в целях внутривнутриполитической борьбы, народ и общество достаточно чутко и болезненно реагируют на всё то, что связано с языком, поскольку народ является творцом языка, который есть порождение народного духа. Язык неразрывно связан с культурой народа, обуславливает его национальную специфику. К.С. Аксаков нередко употреблял термин «народ-язык», подчёркивая их неразрывность и взаимообусловленность, а А.А. Потебня ввёл понятие «внутренняя форма слова», посредством которого подчёркивал особый, отличный от других языков, строй мироощущения и мировосприятия народа. Благодаря внутренней форме слова, полагал Потебня, народ создаёт орудие понимания себя и других, формирует основу для диалога. Поэтому всякая попытка внести изменения в язык сопряжена с комплексом перечисленных социально-психологических последствий для самого народа, способных разрушить культурные основания государственности и общества.

¹ См.: Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. М., 1984. С. 324.

² Потебня А.А. Язык и народность // Эстетика и поэтика. М., 1976. С.259-260.

На процесс разрушения культурных оснований общества влияют не только непродуманные языковые реформы, но и процесс либерализации применения языка. Отечественные лингвисты справедливо отмечают, что поток просторечия, забытая книжность (особенно церковнославянская), заимствование и кальки с американских образцов, активное словообразование — всё это также влечёт за собой изменение характера культуры, норм коммуникативного поведения в обществе¹. В результате в обществе всё более утверждается низкая языковая культура, процветает грубость и ненормативная лексика, оскорбляющая не только слух людей, но и общественную нравственность. Русский историк культуры П.М. Бицилли в этой связи писал: «Именно потому, что "народ" пользуется национальным языком механически, не отдавая себе отчёта в том, какие сокровища мысли и чувства отложились в нём, он... из озорства, из оригинальничания, а то и просто по невежеству смело обновляет язык, коверкает слова и формы, затемняет синтаксис, вообще не догадываясь о том, что у языка есть своя "душа", что он — сама душа нации, всячески мудрит и измывается над его плотью, словно бы это была бездушная и безжизненная "материя". Усмотрев это, сможем свести наше противоположение "народа" и "нации" к следующей формуле — по признаку отношения их к национальной культуре: для "народа" она есть "материя", для "нации" — духовное начало»².

Помимо перечисленных аспектов языковой проблемы существуют и другие, в частности, экономические и собственно лингвистические аспекты. Так, известно, что экономика играет немаловажную роль при планировании и осуществлении языковых реформ, которые требуют гигантских ресурсов. По подсчётам экономистов ФРГ проведение реформы немецкой орфографии потребовало бы не менее 250 миллионов евро только на переиздание школьных учебников, без учёта других издержек. Монголия в своё время отказалась от перехода на традиционное старомонгольское письмо именно из-за цены реформы и оставила алфавит на основе кириллицы.

Собственно лингвистический аспект проблемы имеет две стороны. Одна связана с часто встречающимся утверждением, что смена графической основы алфавита способствует утверждению национального суверенитета. Подобную позицию в последнее время чаще всех отстаивают некоторые представители Татарии и Карелии. Они полагают, что средствами русского языка невозможно отобразить звуки татарского и карельского языка. Однако латинская графика не имеет преимуществ перед кириллицей в передаче особенностей фонетической и морфологической системы ни тюркских, ни карельского, ни других языков. В этом отношении показателен пример сербохорватского языка, имеющего письменность на основе двух алфавитов -кириллицы у сербов и латинского — у хорватов. Так исторически сложилось и не подвергается ревизии.

Другая сторона лингвистического аспекта связана с распространённой во многих странах мира практикой двуязычия (билингвизма). Провозглашение в качестве государственного не только языка титульной нации, но и языка, состоявшегося в качестве эффективного средства межнационального общения, несомненно, способствует диалогу культур, развитию научных коммуникаций и хозяйственной деятельности в данной стране. Сравнительный анализ опыта разрешения языковых проблем в различных странах показывает, что билингвизм выступает эффективным средством их разрешения. Возрастание масштабов миграции людей в современном глобализирующемся мире, рост числа смешанных браков,

¹ См.: Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е., Чернявская Т.Н. Язык и культура. М., 1994. С. 18.

² Бицилли П.М. Нация и народ// Бицилли П.М. Избр. труды по филологии. Б/м., 1996. С. 77.

сосуществование людей с разным культурным и языковым багажом в едином социокультурном пространстве, — все это указывает на возрастание влияния билингвизма не только в пределах отдельно взятого государства, а в глобальных масштабах. Однако каждое государство решает межэтнические, межкультурные и межязыковые проблемы самостоятельно, в зависимости от социальных и политических предпосылок. Билингвизм становится эталоном взаимопонимания, толерантности и уважения к чуждой культуре и языку.

Каждая страна имеет свой опыт использования билингвизма в разрешении сложнейших этнокультурных проблем. Опыт билингвального развития есть, в частности, у России. Он имел достаточно широкое распространение в аристократической среде в XVIII—XIX веках, когда русско-французский и русско-английский билингвизм был отражением стремления правящих слоев общества к аккумуляции достижений науки, культуры, экономики, права передовых европейских стран в интересах процветания России. Англомания в этот период, как отмечают исследователи, была лишь отражением галломании. Дело в том, что моду на все английское в русское общество привнесли французы. Во Франции в этот период возникает франко-английский билингвизм, который охватывал определенную часть французского общества, увлеченную достижениями англичан в законодательстве, науке, земледелии и т.д. Восторженные впечатления французов, влюбленных в Англию, проникали в Россию через непосредственное общение французов и русских, через французские журналы и газеты, книги французских авторов. «Мало-помалу, однако, английская культура проникает все глубже и сильнее в Россию, привлекая к себе гораздо более серьезное внимание. Уже в 1780-е годы оно становится достаточно заметным. В литературе этого периода, публицистической, экономической и отчасти художественной, можно найти немало следов этого усиленного интереса к английской жизни, который стал проявляться среди русской интеллигенции»¹.

Достижения англичан в сельском хозяйстве стали одной из причин распространения и внедрения английской культуры на русской почве, а также появления людей, восхищенных домовитостью и хозяйственностью англичан. Билингвальные отношения из частных постепенно приобретали массовый характер, благодаря протекции государства. Заинтересованность государства в укреплении русско-английских культурных связей создавала благоприятные условия для развития русско-английских отношений. В большинстве своем, подобные отношения складывались в кругу людей, объединенных одной идеей — английским земледелием, идеями Бентама о политической экономии и переносом научных достижений англичан на «русскую почву». Это был круг людей, которые искренне любили Англию с ее своеобразной культурой, философией, научными и общественными достижениями и при этом оставались преданными сынами своего отечества. К англоманам принадлежали люди разных сословий от незнатных до членов царской семьи. Екатерина II принадлежала к их числу. Она много сделала, чтобы привлечь на службу англичан, а также отправила учиться молодых людей в Англию для осуществления масштабных государственных планов. Мордвинов и Сперанский пытаются провести новые законы, частично перенятые у англичан.

Показателен в этом отношении пример Канады, где уже в 1867 году франко-английское двуязычие было закреплено законодательно, что дало возможность в парламентских дебатах использовать английский и французский языки. Начиная с этого года, законодательные акты должны были писаться и издаваться на этих двух языках. В 1927 году канадские почтовые марки стали двуязычными, а в 1934 году Парламент Канады уч-

¹ Предтеченский Л. В. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 43

редил федеральное Бюро Переводов. Спустя 30 лет была учреждена Королевская Комиссия по билингвизму и бикультурологии, основными достижениями которой стали законодательные акты, благодаря которым английский и французский языки стали изучать в школе как официальные, государственные языки (1970г.), торговые марки и лейблы печатались на двух языках (1974г.). Итогом работы этой комиссии было также закрепление франко-английского билингвизма в Конституции Канады (1982г.). В дальнейшем языковая политика Канады строилась на поддержке проектов по изучению и развитию двуязычия. Каждый год Федеральное правительство оглашает «План действия для официальных языков», который обязан чутко реагировать «на новые моменты канадского лингвистического дуализма» путем создания новых координирующих организаций, предоставления денежных субсидий на развитие и поддержку образования, общественное развитие и коммунальные услуги¹.

Идею развития второго родного языка для каждого европейца в 2007 г. выработала созданная по инициативе Еврокомиссии специальная группа европейских экспертов под руководством французского писателя ливанского происхождения Амина Маалуфа. В Еврокомиссии полагают, что для того, чтобы действительно объединить Европу, требуется не только отсутствие границ. Почувствовать по-настоящему сильную принадлежность к европейскому сообществу можно, только легко понимая людей из разных концов Европы, зная их традиции и культуру, а это невозможно, когда народы замыкаются в рамках одного единственного родного языка. Авторы специального доклада на конференции, посвященной мультилингвизму, которая прошла 15 февраля в Брюсселе, считают, что европейским странам необходимо создать все условия, чтобы второй язык стал действительно родным, — ввести его интенсивное изучение в дошкольных учреждениях и подкрепить это ежедневной практикой в школах и университетах. Таким образом, опыт развития билингвальных процессов свидетельствует о том, что правильный подход к решению языковых проблем помогает наметить позитивные шаги по выстраиванию этнокультурных отношений в многонациональном обществе, в выработке стратегии и политики в области государственного языка в правильном направлении.

Дискуссии вокруг государственного языка, как показывает анализ, не только многоаспектны, но они также носят сложный, взаимообуславливающий и взаимодополняющий характер. Невозможно вырвать из исторического контекста, из общественной жизни тот или иной из них — государственно-политический, этнокультурный или социально-психологический, не углубляя кризиса, не усиливая дезинтеграционные процессы в обществе, не подрывая диалога культур, не разобщая народы. Компаративистский анализ представляет в этом отношении важный отправной пункт теоретико-методологических подходов к разрешению сложнейших культурно-языковых проблем современности, поиска исторически обоснованных и состоятельных национально-культурных способов их разрешения.

N.I. Beslepkina

Discussions about a state language: the comparative analysis of ways of the sanction

One of the acute problems, connected with defining the status of the state language in a multinational country is discussed in the article. The author puts a stress on the state-political ethno cultural and socio-psychological aspects of these discussions. Bilingualism is considered as a means to solve language problems positively.

¹ The Official Languages website and programs in Canada (www.pch.gc.ca).